

Бахтин и Кирпотин: об одной странице из отечественной истории рецепции личности и идей М.М. Бахтина

© 2023 С.А. Дубровская*, А.В. Струкова**

*Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.*

E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

*Струкова Александра Владимировна, магистр филологии, преподаватель кафедры зарубежной
литературы Казанского (Приволжского) федерального университета*

E-mail: zuevasasha@inbox.ru

**Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева. Саранск, Россия*

***Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия*

Аннотация. Реконструкция отечественной рецепции личности и идей М.М. Бахтина – важная часть современного бахтиноведения. Одной из ее составляющих является построение индивидуальных траекторий бахтинской рецепции. Цель статьи – реконструировать взаимоотношения М.М. Бахтина и известного советского литературоведа В.Я. Кирпотина. На материале архива ученого, его мемуаров и эпистолярия, работ 1960-х – 1970-х гг. авторы выявляют специфику взглядов Кирпотина на полифонический роман, воспроизводят его частные высказывания, напоминают о роли литературоведа на бахтинской защите. По переписке Кирпотина и В.В. Кожинова восстанавливается эпизод, связанный с публикацией очерка биографии Бахтина в сборнике «Проблемы поэтики и истории литературы» (Саранск, 1973).

Ключевые слова: М.М. Бахтин, В.Я. Кирпотин, В.В. Кожинов, рецепция идей, личные архивы, полифонический роман, «Проблемы поэтики Достоевского».

Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда: проект № 23-28-00175 «Мыслитель в своем отечестве: история российской рецепции идей М.М. Бахтина на фоне мировых вызовов».

Рецепция личности и идей того или иного мыслителя составляет важную часть его биографии, истории научной школы и интеллектуальной истории страны в целом. Реконструкция отечественной рецепции личности и идей М.М. Бахтина не проведена до сих пор, хотя отдельные попытки предпринимались отечественными и зарубежными исследователями. Здесь нужно назвать книгу К. Эмерсон «Первые сто лет Михаила Бахтина» [29], ряд заметных работ отечественных бахтиноведов, в частности Н.Л. Васильева [3], С.И. Кормилова [16], Н. Перлиной [26], В.Л. Махлина [17; 18], О.Е. Осовского [20; 21; 23], Н.А. Панькова [24] и др.

Сегодня в целом сформулировано общее представление об отечественной рецепции личности и идей Бахтина и ее этапах [см. подробнее: 22]. В то же время многие механизмы этого процесса, его отдельные периоды и конкретные детали нуждаются в уточнении [6]. В этом контексте одной из актуальных задач представляется определение «индивидуальных траекторий рецепции» (О.Е. Осовский), то есть детальное описание того, каким образом и в каком контексте воспринимался Бахтин конкретным участником отечественного интеллектуального процесса. На этом фоне привычная конструкция «Бахтин и...» обретает

новое измерение, не только превращаясь в элемент общей конструкции, но и меняя (в определенной степени) ее конфигурацию.

Цель статьи – реконструировать взаимоотношения Бахтина с Валерием Яковлевичем Кирпотиным (1899–1998), известным советским литературоведом и критиком, исследователем творчества Ф.М. Достоевского, активным участником литературной и общественной жизни страны 1920–1970-х гг. Опираясь на дневниковые записи и письма Кирпотина, иные материалы, опубликованные в 1990–2010-е гг., мы имеем возможность восстановить неизвестные детали биографии Бахтина. При этом одновременно показать, как уже сложившаяся к началу 1970-х гг. репутация Бахтина-литературоведа и мыслителя, его общественный авторитет сказываются на реакции Кирпотина в связи с небольшими неточностями, затрагивающими его имя. Речь идет о биографическом очерке (авторы – В.В. Кожин и С.С. Конкин), опубликованном в саранском «юбилейном сборнике» [28, с. 5–15]. Этот эпизод позволяет сегодняшнему исследователю представить характер восприятия не столько идей, сколько личности самого Бахтина советским литературоведческим истеблишментом эпохи.

Выбор Валерия Яковлевича Кирпотина в качестве героя нашей статьи обусловлен не только тем, что Кирпотин оставил воспоминания об участии в защите Бахтина, но и тем, что в своих работах он высказал некоторые критические соображения по поводу концепции полифонического романа и бахтинской интерпретации Достоевского в целом. Прежде чем перейти к анализу кирпотинского кейса в истории отечественной рецепции Бахтина и бахтинского наследия, напомним о самой личности исследователя, тем более, что есть историко-биографические и даже географические пересечения Бахтина и Кирпотина.

Хорошо известно, что Кирпотин играл заметную роль в истории не только советской литературы, но и советской культуры и общественной мысли [см.: 4; 7]. С одной стороны, он – функционер, сформировавшийся к концу 1920-х гг., и занимавший несколько значительных постов в партийной и литературной иерархии; с другой, в своих лучших работах он – тонкий интерпретатор отдельных сторон творчества Достоевского, инициатор проведения юбилейных мероприятий к 125-летию со дня рождения писателя и даже жертва борьбы с космополитизмом на рубеже 1940–1950-х гг.

Биография Кирпотина, «ровесника железного века» – важнейший источник сведений о литературной, научной и общественно-политической жизни страны 1920-х – 1980-х гг. Родившийся в благополучной еврейской семье в г. Ковно в Виленском крае (и здесь первое пересечение с биографией Бахтина, который провел несколько лет своего детства в Вильно), подростком в годы Первой мировой войны он переезжает в Орел (второе пересечение), где завершает гимназическое образование. После февраля 1917 г. Кирпотин становится участником политических событий, примыкая сначала к меньшевикам, а затем переходя к большевикам, редактируя большевистскую газету. В 1919 г. он вступает в коммунистическую партию, и с этого момента выстраивает свою карьеру в партийной печати, в особом отделе и органах военно-политического просвещения. Есть в биографии Кирпотина и «темные страницы» – служба в дивизионном Особом отделе, работа после Гражданской войны в Коминтерне и соответствующие служебные командировки в страны Западной Европы.

По окончании Института красной профессуры, а затем Института языка и литературы Комкадемии, Кирпотин, молодой проверенный коммунист, возглавляет кафедру марксизма в Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева в Ленинграде, оказавшись в числе тех, кому поручено обеспечить контроль партийного центра над городом, бывшим оплотом зиновьевской оппозиции. В Ленинграде в 1929 г. он публикует свою первую книгу «Радикальный разночинец Д.И. Писарев» в издательстве «Прибой»: «Времена в издательствах были не бюрократические. Я отнес свою рукопись в товарищество «Прибой», мою книгу прочли и через месяц сказали:

– Берем!

По выходе в свет книга обратила на себя внимание, но не историков, на что я рассчитывал, а литературоведов и литературных критиков [12, с. 127].

Как известно, именно в этом издательстве и в том же году были опубликованы «Проблемы творчества Достоевского». Очевидно, в эти годы происходит знакомство Кирпотина с П.Н. Медведевым, о котором он рассказывал Н.А. Панькову в начале 1990-х гг.: «Волошинова Кирпотин не знал. С Медведевым был знаком, и тот показался ему человеком «неглубоким» («не мог он написать сильную книгу») [24, с. 114]. Трудно сказать определенно, пересекался ли в это время Кирпотин с Бахтиным, но судя по его воспоминаниям, бахтинскую книгу о Достоевском он знал с момента ее появления. По крайней мере, именно такое впечатление оставляет приводимая Паньковым цитата. Речь идет о встрече в Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР (ИМЛИ) весной 1946 г.: «Помню, сижу я в ИМЛИ, в своем кабинете, заходит Бахтин. Просит поставить на защиту его работу. Говорит: “Нужна степень, чтобы получить карточки” (ему продовольственные карточки без этого не давали). Я тогда был заместителем директора ИМЛИ. А директором был Шишмарев <...> Бахтина я до этого лично не знал. Знал, что его выслали из Ленинграда, но сделал вид, что этого не знаю. Времена тогда были железные... Книгу его о Достоевском я оценил, но не соглашался с нею» [24, с. 113].

Напомним, что до работы в ИМЛИ Кирпотин переживает несколько серьезных карьерных взлетов: он принимает активное участие в создании Союза писателей СССР, по совокупности своих литературоведческих работ в 1936 г. получает степень доктора филологических наук без защиты диссертации, в течение нескольких лет занимает должности заведующего сектором художественной литературы управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), ответственного секретаря «Организационного комитета Союза писателей СССР». С 1937 г. он – старший научный сотрудник ИМЛИ. Кирпотин много публикуется, в числе изданий – книги с выразительными названиями «Наследие Пушкина и коммунизм» (1936), «Политические мотивы в творчестве Лермонтова» (1939) и др.

В октябре 1945 г. директор ИМЛИ академик В.Ф. Шишмарев предложил Кирпотину занять должность заместителя директора по научной работе, полагая целесообразным ввести в руководство института молодого и энергичного человека с хорошими литературными и партийно-административными связями. «Передо мной особенно остро стоит вопрос со вторым заместителем директора, который ведал бы научной частью, – писал 30 октября Шишмарев Кирпотину <...> Раздумывая по поводу научной части, я остановился на Вашей кандидатуре. Вы специалист по русской литературе (и – западник), у Вас и связи с современной литературой, которой Вы и занимаетесь, и в жизни которой принимаете участие. Вы хорошо знаете институт, в котором работаете ряд лет, знаете, следовательно, его личный состав. У Вас связи с московскими научными работниками (чем я пока особенно похвалиться не могу); наконец, Вы член партии. Последнее обстоятельство немаловажно, так как я – беспартийный, и партийцев среди наших ведущих работников не очень много» [12, с. 538–539].

15 ноября 1946 г. именно Кирпотин в отсутствие Шишмарева, проголосовавшего заранее и покинувшего заседание, ведет процедуру защиты диссертации Бахтина. Согласимся с Н.А. Паньковым и И.Л. Поповой, полагавшими, что функции председательствующего Кирпотин исполнял профессионально, и практически семичасовая защита прошла без каких-либо нарушений [25, с. 91–153; 27, с. 70–83]. Судя по стенограмме Кирпотин не только предоставил слово официальным и неофициальным оппонентам, но и дал возможность А.А. Смирнову, И.М. Нусинову и А.К. Дживелегову выступить повторно, тем самым разрядив заметно накалившуюся атмосферу. Выступление самого Кирпотина было неоднозначным и содержало ряд критических замечаний, касавшихся одного из ключевых тезисов диссертации Бахтина. При этом для Кирпотина очевидны неординарность личности соискателя и масштаб работы, ее важность и значение для современной науки: «Наш диспут принял очень интересный и глубокий характер, и это хорошо. Обсуждаем не только вопрос о том, присуждать ли М.М. Бахтину кандидатскую или докторскую степень, мы обсуждаем также ряд вопросов по существу. Эрудиция диссертанта, творческий характер его научной деятельности не вызывают у нас сомнений, но спор разгорелся, и спор этот имеет большое значение» [1, с. 1048].

Кирпотин, как и выступавшие до него Н.К. Пиксанов и Н.Л. Бродский, принципиально не соглашается с тем, что условно можно назвать погружением Рабле в глубины средневековой народной культуры: «Один из тезисов диссертации гласит следующее: что если бы Рабле выступал бы только как гуманист, как человек эпохи Возрождения, то книга, написанная им, явилась бы посредственной и рядовой книгой. Мало того, – что те места, те главы в книге, где Рабле выступает как человек эпохи Возрождения, эти главы очень ординарны и неглубоки, а там Рабле становится таким великим, когда он в своей книге воскрешает или воспроизводит то, чем жило средневековье, при этом неофициальное средневековье, а жил народ в средние века. И тут начинается у меня ряд возражений. Мне кажется очень искусственным это разделение средневековья на официальную жизнь церкви и феодальной верхушки и на жизнь народа, в том смысле, что там идеология, которая относится только к фасаду, а если проникнуть за этот фасад, разбить его пинком ноги, приподнявши сутану, то мы откроем нечто совсем иное» [1, с. 1049].

При этом Кирпотин демонстрирует своеобразную «переимчивость»: на фоне традиционных марксистских представлений о сути феодального мира и феодальных отношений в Западной Европе звучит легко воспроизводимая терминология и фразеология Бахтина. «Мне кажется, разделение это слишком механистическое, – подчеркивает он. – Прежде всего, если проникнуть за этот фасад, мы вовсе не найдем вечного праздника, вечного карнавала, мне кажется, мы найдем другое: вечный, беспросветный, очень низкий по своей технике и по производительности, мученически тяжелый труд <...> народные массы, которые тут представлены как источник бесконечного веселья, что они часто не только не имели возможности веселиться и критиковать этот строй, но часто выступали и как сила, поддерживающая этот феодальный, религиозный строй. Тут нет ничего парадоксального, это вытекает из установок марксизма <...>. А то, что здесь говорилось товарищем Бахтиным, есть сильное приукрашивание этой скудной и бедной жизни. Средневековье не было сплошным карнавалом, как здесь об этом говорили» [1, с. 1049].

Соответственно, в затронутой Бахтиным проблеме Кирпотина прежде всего интересуют ее идеологическая составляющая и Рабле как идеолог Возрождения. Отсюда вытекает его полемика с Бахтиным, отстаивающим, с его точки зрения, «средневековость» французского писателя: «...из такой оценки происходит недооценка идеологии Возрождения и происходит грубейшая идеализация средневековья. Мне кажется, в том, что я говорю, – это очень серьезный упрек. Но тут ничего обидного в том смысле, что я не собираюсь ни в коем случае умалять значение эрудиции и талантов диссертанта. Я это признаю. Я – специалист по русской литературе, знаю его книгу о Достоевском, но с точки зрения столкновения точек зрения тут есть расхождение. Идет докторский диспут, мы обязаны высказать свое мнение, свои расхождения, а расхождения затрагивают очень большой серьезный вопрос» [1, с. 1050].

В финале своего выступления он еще раз отметит важность фигуры Рабле-идеолога Возрождения, подчеркнув одновременно значительность и плодотворность происходящего на заседании обсуждения: «раскрыть то, что представляет собой народ его времени, Рабле мог потому, что он был идеологом, сознательным человеком эпохи Возрождения, представителем передового светского мирозерцания. Я не мог сказать против книги, но мог выступить на основе того, что здесь говорилось. Тут много было сказано такого, что положение дела уяснило» [1, с. 1051].

Отвечая на выступления Кирпотина, Бахтин еще раз акцентирует внимание на своем понимании карнавала и его глубокого революционизирующего характера: «...остановлюсь на возражениях Валерия Яковлевича. Это возражения очень существенные, но принять их целиком не могу <...> Я считаю, что тот народ, в традициях которого создан (роман) Рабле, глубоко прогрессивен <...> Меня интересовала эта жизнь, она глубоко прогрессивна и революционна, и этот карнавальная смех – он очищал мир от страха. Я в своей книге целиком процитировал подлинник с подробным описанием карнавала Гете. Мне кажется, я там сумел показать глубоко прогрессивный, революционизирующий характер сознания карнавала, сознания единства, физического временного единства. Следовательно, я не согласен с этой

частью возражений, но, что мне надо было дать разъяснения, с этим вопросом я совершенно согласен» [1, с. 1065].

В дальнейшем Кирпотин будет внимательно следить за Бахтиным-достоевсковедом. Должность заместителя по научной работе Кирпотин занимал недолго: уже в конце 1946 г. он подает Шишмареву заявление с просьбой освободить его от должности [12, с. 540]. Причин тому несколько: ему не простили активной организации юбилея Достоевского (по его собственной версии, на него рассердился лично Сталин), позднее сюда же добавилась и попытка поучаствовать в травле А.Н. Веселовского и всего сравнительного литературоведения. Статья Кирпотина в журнале «Октябрь», как и позиция редакции в целом, получит резкую отповедь на страницах газеты «Культура и жизнь» в марте 1948 г.: «участники дискуссии в журнале “Октябрь” и некоторых других литературных органах заняли совершенно неправильную позицию. Примечательна с этой точки зрения статья В. Кирпотина. Характеризуя Веселовского как буржуазного либерала, Кирпотин тут же, словно испугавшись собственной “смелости”, поспешно ретируется; он в своей статье “растекается мыслью по древу”, пускается в пустопорожние рассуждения “о специальных ученых заслугах” Веселовского, обнаруживает в его “наследстве” нечто такое, что может “действительно сослужить пользу”. Буржуазный либерализм был одним из врагов революционно-общественной мысли XIX века. Об этой истине забыл, очевидно, Кирпотин» [цит. по: 5]. В дальнейшем Кирпотин окажется одной из мишеней кампании по борьбе с космополитизмом и до начала оттепели практически уйдет в тень.

Оживившийся во второй половине 1950-х гг. интерес к автору «Проблем творчества Достоевского» отчасти отразится и в книге Кирпотина «Ф.М. Достоевский. Творческий путь. (1821–1859)», где монография Бахтина будет упомянута наряду со статьей В.В. Виноградова в связи с повестью «Двойник» [11, с. 355]. Более того – Кирпотин окажется в числе тех, кто выступит в поддержку переиздания книги Бахтина о Достоевском в письме в издательство «Советский писатель». Наряду с Кирпотинским письмо подписали К.А. Федин, В.В. Виноградов, Л.И. Тимофеев, М.Б. Храпченко, В.Б. Шкловский, Л.Е. Пинский, Л.П. Гроссман, Б.С. Рюриков [подробнее см.: 2, с. 469–480].

Появляется имя Кирпотина и на страницах «Проблем поэтики Достоевского» [2, с. 48]. Бахтин не только называет его среди ведущих исследователей творчества великого писателя, но и усматривает в отдельных формулировках кирпотинской книги о Достоевском близость своей концепции полифонического романа: «В противоположность очень многим исследователям, видящим во всех произведениях Достоевского одну-единственную душу – душу самого автора, Кирпотин подчеркивает особую способность Достоевского видеть именно чужие души <...> Верное понимание “психологизма” Достоевского как объективно-реалистического видения противоречивого коллектива чужих психик последовательно приводит В. Кирпотина и к правильному пониманию полифонии Достоевского, хотя этого термина сам он и не употребляет» [2, с. 46–47].

Отметим, что оценка Бахтина – не дежурный комплимент литературоведу, а результат глубокой проработки материала, о чем свидетельствуют «Дополнения и изменения к Достоевскому» [2, с. 303, 323, 436], а также пометы мыслителя на страницах книг Кирпотина о Достоевском [см. подробнее: 13, с. 76]. В дальнейшем Бахтин сохранит интерес к работам литературоведа. Так, в рабочих записях он отметит привлечение его внимание «кирпотинские места» в рукописи Кожина о романе «Преступление и наказание» [2, с. 436].

Еще раз Бахтин вспомнит о Кирпотине в интервью польскому журналисту З. Подгужецу, называя лучшие достижения советского достоевсковедения: «Я считаю очень ценными работы покойного Долинина, Фридендера, Кирпотина, Бурсова, Евнина. Все эти работы рассматривают разные грани Достоевского, но я вообще не считаю, что в области литературоведения возможен какой-то один подход» [2, с. 460].

Свой внутренний диалог с Бахтиным Кирпотин продолжит в новых исследованиях о Достоевском, так и не согласившись до конца с идеей многоголосия: «М.М. Бахтин говорит о “чистом голосе”, об “образе идеи” у Достоевского. Он, правда, предупреждает, что “образ

идей” (у Достоевского) неотделим от образа человека – носителя этой идеи. Однако он тут же “необходимо” подчеркивает, что герой Достоевского – “это не характер, не темперамент, не социальный или психологический тип... Нелепой была бы самая попытка сочетать, например, идею Раскольникова... с его завершенным характером и с его социальной типичностью как разночинца шестидесятых годов...”. Но ведь эта “нелепость” принадлежит самому Достоевскому – иначе нам придется признать, что текст, посвященный характеру, темпераменту, психологии, “социальному положению” (слова самого Достоевского) Раскольникова написаны только для заполнения художественного вакуума» [9, с. 549].

С этого времени Бахтин и его книга обязательно присутствуют в размышлениях Кирпотина о Достоевском. Иногда это присутствие носит технический характер. Так, в «Избранных трудах», второй том которых представляет собой авторскую контаминацию фрагментов предшествующих книг, появляется ссылка на третье издание книги Бахтина о Достоевском [8, с. 135]. Кажущаяся «дежурность» не должна вводить в заблуждение, в действительности Кирпотин вдумчиво читает и перечитывает Бахтина. Самый масштабный анализ бахтинских идей представлен в его монографии «Достоевский-художник» (1972). В ней литературовед предметно рассматривает пункты расхождений бахтинской концепции полифонического романа с постулатом о «романе-трагедии» у Вяч. И. Иванова, подчеркивает несовпадение идеи Бахтина и ее интерпретации А.В. Луначарским. При этом Кирпотин впервые в отечественном литературоведении проводит сопоставление первого и второго изданий бахтинской книги о Достоевском, отмечая важные пассажи варианта 1929 г., исключенные при переиздании: «”Мир Достоевского глубоко персоналистичен”, – пишет М. Бахтин и в первом, и во втором издании своей книги. “Персоналистичен” – термин определенной ветви экзистенциалистской философии. При “персоналистском” подходе личность, в том числе и личность героя художественного произведения, становится существованием, неслиянным с другими существованиями.

Первое издание своей книги М. Бахтин снабдил предисловием, в котором предупреждал: “...Историческая точка зрения все время учитывалась нами; более того, она служила тем фоном, на котором мы воспринимали каждое разбираемое нами явление. Но фон этот не вошел в книгу... В основу настоящего анализа положено утверждение, что всякое литературное произведение внутренне, имманентно социологично. В нем скрещиваются живые социальные силы, каждый элемент его формы пронизан живыми социальными оценками. Поэтому и чисто формальный анализ должен брать каждый элемент художественной структуры как точку преломления живых социальных сил, как искусственный кристалл, грани которого построены и отшлифованы так, чтобы преломлять определенные лучи социальных оценок и преломлять их под определенным углом”. Опираясь на социологические предпосылки, сформулированные самим Бахтиным, Луначарский изъясил бахтинский анализ диалога у Достоевского из его собственной системы и подчинил его в качестве элемента задачам марксистского литературоведения» [10, с. 273].

Кирпотину очевидна глубокая внутренняя религиозность бахтинского полифонизма, о которой, однако, он может написать только в дневнике. Задумываясь о «стыдливости» современного литературоведения и литературной критики, он записывает 4 февраля 1974 г.: «Статья Ф. Кузнецова “Духовные ценности” (“Новый мир”, № 1 за 1974 г.) верна, но не увлекательна. Но я хочу сказать о другом. Кузнецов стеснен. Он не может сказать Аннинскому, что тот проповедует религию, как не решается сказать Солженицыну, что его положительный идеал – религия и нация. Как не удастся показать (пока, может быть), что Бахтин религиозный литературовед» [12, с. 743–744].

Как показывают недавно опубликованные материалы, в истории бахтинской рецепции в СССР первой половины 1970-х гг. есть эпизод, непосредственным участником которого невольно оказался Кирпотин. В связи с 75-летием со дня рождения Бахтина кафедра русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета приняла решение об издании юбилейного сборника научных статей, посвященного мыслителю. Ответственный

редактор – С.С. Конкин – не раз вспоминал о том, с какими сложностями ему пришлось столкнуться при реализации этого проекта [см. подробнее: 14].

Среди ученых, представивших статьи в этот бахтинский сборник, были те, кто составляет цвет отечественной гуманитарной науки второй половины XX – начала XXI века: академики М.П. Алексеев, Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, доктора наук Ю.М. Лотман, Г.Д. Гачев и др., в том числе и коллеги Бахтина по кафедре.

Кирпотин получил этот сборник в декабре 1974 г. и, судя по всему, книга ему не понравилась. Сборник вызвал у литературоведа негативную реакцию, зафиксированную в дневнике. Так, 16 декабря он записал: «Вышел сборник “Проблемы поэтики и истории литературы”, Саранск, 1973 г. Издание осуществлено в честь Бахтина. Во всех статьях истреблены разум, идея, идеал. Во всех статьях – цеховой жаргон» [12, с. 745]. В результате досталось и Бахтину, оценка которого в дневнике приобрела неоднозначный характер и значительно отличалась от того, что Кирпотин говорил в своих исследованиях второй половины 1960-х – начала 1970-х гг.: «Если говорить о творчестве самого Бахтина, то, на мой взгляд, он очень способный, очень образованный, но не слишком оригинальный. Он первым в России применил экзистенциальную мудрость. Если культура насквозь проедена такой “наукой”, таким мирозерцанием, таким византизмом – тогда все готово для крушения. Приходите, вандалы или турки, или взрывайте атомную бомбу. Все созрело!» [12, с. 745].

Однако эта эмоциональная и несправедливая реакция Кирпотина на появление сборника объясняется, вероятнее всего, не столько научными разногласиями с его авторами, сколько наличием в тексте одного фрагмента, болезненного и даже показавшегося литературоведу оскорбительным. В биографическом очерке Кожина и Конкина был кратко представлен сюжет о бахтинской защите. Именно он и вызвал агрессивное недовольство Кирпотина.

Почти дословно воспроизводя заметку, опубликованную в «Вестнике АН СССР» и ссылаясь на нее, Конкин, которому принадлежал раздел бахтинской биографии с 1945 г., писал: «Как отмечалось вскоре после этого в одном из хроникальных обзоров, “с принципиальными возражениями против основных положений диссертанта выступили член-корреспондент АН СССР Н.К. Пиксанов, профессора Н.Л. Бродский и В.Я. Кирпотин”. Это обстоятельство вызвало вторичные выступления всех трех оппонентов, которые еще раз подтвердили свои оценки и свои предложения. Дискуссия длилась более семи часов. Степень кандидата филологических наук была присуждена М.М. Бахтину единогласно. Вслед за этим было поставлено на голосование предложение оппонентов о присуждении диссертанту докторской степени. За это предложение голосовало семь, против – шесть членов совета. В Высшей аттестационной комиссии не были поддержаны и утверждены результаты голосования, и ученому было отказано в присуждении степени доктора филологических наук» [28, с. 11].

Именно эта цитата вызвала возмущение Кирпотина, усмотревшего в ней прямой намек на то, что он голосовал против диссертации Бахтина. Посчитав себя глубоко оскорбленным, Кирпотин направил письмо Кожину, своему давнему знакомому, с требованием опровержения приводимых в очерке фактов. Сегодня это письмо опубликовано в составе мемуаров Кирпотина. И мы имеем возможность воспроизвести соответствующий фрагмент. «Вадим Валерьянович! Я только сейчас ознакомился с саранским сборником в честь М. Бахтина. Сборник открывается биографией Бахтина, написанной Вами и С. Конкиным (которого не имею чести знать). В биографии достаточно недвусмысленно подчеркнуто, что я (вместе с Бродским и Пиксановым) выступал будто бы против диссертации М. Бахтина о Рабле, против присуждения ему ученой степени доктора. Вот, однако, факты... В 1946 году я был зам. директора ИМЛИ им. Горького. Двинул дело с диссертацией М. Бахтина я! Я же организовал ее защиту в максимально короткие сроки. Первоначально я предложил Бахтину защищать диссертацию как докторскую <...> Основных теоретических принципов Бахтина я не разделял и не разделяю. Это известно по моим работам... В этих условиях ложное освещение моей роли в защите Бахтиным его диссертации приобретает оттенок опорочивания

моей позиции. Забота о добрых нравах в научной деятельности требует, чтобы Вы изыскали способ восстановить истину, нарушенную в вышеназванной биографии, подписанной и Вашим именем» [12, с. 745–746].

Справедливости ради следует отметить, что повышенная эмоциональность реакции Кирпотина мало соотнобразуется с реальностью. Фактически высказанная претензия должна была быть адресована автору заметки, текст которой соответствовал фактографии защиты. Версия Кирпотина о его деятельном участии в организации и проведении защиты Бахтина (на это первым указал Н.А. Паньков) не во всем соответствует действительности и представляет собой только его, кирпотинское, видение дела. Благодаря разысканиям Панькова, И.Л. Поповой, В.И. Лаптуна сегодня хорошо известно об участии в этом процессе огромного количества людей: от А.А. Смирнова, Л.И. Тимофеева, В.Ф. Шишмарева до Г.С. Петрова, Е.В. Тарле, Б.В. Залесского и М.В. Юдиной [19, с. 29–41; 25, с. 91–356; 27, с. 70–109].

Кожин серьезно отнесся к кирпотинскому письму и в целом поддержал его. Он попытался опубликовать письмо-разъяснение, в котором не столько опровергались факты из очерка, сколько рассказывалось о той большой положительной роли, которую сыграл Кирпотин в судьбе бахтинской диссертации. Приведем фрагмент: «Почти 13 <так!> лет назад, 15 ноября 1946 года, в Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР состоялась защита диссертации М.М. Бахтина “Рабле в истории реализма”. “Вестник Академии наук СССР” опубликовал информационную заметку об этой защите (см. выпуск 5 за 1947 год, стр. 123). В наши дни заметка эта послужила основным источником сведений о данном эпизоде для статьи “Михаил Михайлович Бахтин. Краткий очерк жизни и деятельности”, опубликованной в сборнике статей “Проблемы поэтики и истории литературы” (Саранск, 1973 г.) <...>. Из этого [содержания заметки – С.Д., А.С.] недвусмысленно вытекает, что В.Я. Кирпотин не разделял высокой оценки диссертации М.М. Бахтина, не считал ее “представляющей большой и принципиальный интерес” и, следовательно, был против присуждения ее автору искомой степени» [цит. по: 12, с. 747–748].

Объясняя необходимость прояснения ситуации, Кожин фактически использует аргументацию, высказанную в адресованном ему письме Кирпотина. Соглашаясь с его автором в том, что в подобном историческом контексте Кирпотин превращается из исследователя, дискутирующего с Бахтиным по конкретным аспектам творчества Достоевского, в давнего гонителя ученого: «Складывается, таким образом, не очень-то лестная для В.Я. Кирпотина картина. Известно, что он не раз выступал “с принципиальными возражениями против основных положений” М.М. Бахтина; самый свежий пример – достаточно резкая полемика с книгой М.М. Бахтина о Достоевском в статье В.Я. Кирпотина “Достоевский и племянник Рамо” (см. “Вопросы литературы”, 1974, № 7, стр. 177–178).

Теперь же, так сказать, “выясняется”, что В.Я. Кирпотин не только выступал “с возражениями”, но и пытался в свое время закрыть М.М. Бахтину путь к ученой степени. Все это, однако, не соответствует действительности. Реальные факты кратко изложены в письме В.Я. Кирпотина к автору этих строк 16 декабря 1974 года. Точность этого изложения подтверждается рассказами, слышанными мною и ранее, и ныне от М.М. Бахтина, и рядом документов» [Цит. по: 12, с. 748].

Публикация опровержения не состоялась. Первоначально Кожин планировал напечатать письмо в журнале «Известия АН СССР. Серия языка и литературы». Однако его главный редактор Д.Д. Благой так и не принял положительного решения по этому вопросу. Сменившему его на этом посту известному лингвисту Г.В. Степанову эта история показалась неактуальной, и Кирпотин с Кожинным были вынуждены искать новую площадку для публикации. Не смогли они опубликовать письмо и в журнале «Филологические науки. Научные доклады высшей школы». Главный редактор П.А. Николаев сообщал Кирпотину 29 ноября 1975 г.: «Моя редколлегия “Филологических наук” то “за”, то “против”. Я уже решил напечатать одно письмо Кожина (на это многие были согласны), да тут он мне сообщил, что “дело уладилось”. Если “Вопросы литературы” сообщат обо всем пристойно и убедительно –

то и слава богу. Винават я перед Вами, но поделаться ничего пока не смог» [цит. по: 12, с. 750–751].

Николаев, пожалуй, первым обратил внимание не только на репарационную составляющую этого инцидента: ему очевидно его место в общей картине рецепции идей Бахтина и формирующегося отношения к его наследию. Именно на фоне интереса «многих ученых» крохотный сюжет «Бахтин и Кирпотин» на страницах саранского сборника приобрел подобающий масштаб. Как отмечал Николаев, «единственное добро – многие ученые уже знают о несправедливости саранского автора» [Цит. по: 12, с. 751].

Неудачей завершилось и практически решенное дело с публикацией письма Кожина в журнале «Вопросы литературы». Можно предположить, что причиной тому стали и удаленность по времени этой истории от момента публикации саранского сборника, и все меньшая ее актуальность, особенно на фоне кончины Бахтина в марте 1975 г.

Неизвестно, дошла ли эта «бахтинско-кирпотинская» история до С.С. Конкина, но в любом случае его интерпретация истории бахтинской защиты оставалась почти неизменной. Так, в очерке «Ученый с мировой известностью» она повторена практически дословно, правда без упоминания имен Пиксанова, Бродского и Кирпотина [14, с. 71]. В «первозданном виде» повторяется этот фрагмент и в книге «Михаил Бахтин. Страницы жизни и творчества» [15, с. 261].

Оценивая эту страницу отечественной истории бахтинской рецепции 1960-х – первой половины 1970-х гг., отметим следующее. Прежде всего, она свидетельствует о значимости личности Бахтина и об очевидном понимании важности его идей отечественным литературоведческим истеблишментом. В случае Кирпотина эта история обусловлена еще и тем, что, будучи внутренне несогласным со многими позициями Бахтина, он гораздо точнее и глубже, нежели другие его ровесники и младшие современники, понял смыслы полифонического романа, в частности четко обозначив литературоведческую позицию Бахтина как религиозно-философскую. Второй момент связан с тем, что Кирпотину, очевидно, не хотелось оказаться среди «гонителей» Бахтина. Именно этим объясняется его острая реакция на публикацию в провинциальном сборнике и требование восстановления его доброго имени.

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 4(1): «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения. М.: Языки славянских культур, 2008. 1120 с.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
3. *Васильев Н.Л.* Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 408 с.
4. *Герасимова С.В.* Кирпотин Валерий Яковлевич // Русские литературоведы XX века: Биобиблиографический словарь. Т. 1: А–Л / сост. А.А. Холиков; под общ. ред. О.А. Клинка и А.А. Холикова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 383–384.
5. *Дубровская С.А.* «Против буржуазного либерализма в литературоведении (По поводу дискуссии об А. Веселовском)» / Материалы для «Бахтинской энциклопедии» // Бахтинский вестник. 2020. № 1(3). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49721943>
6. *Дубровская С.А., Осовский О.Е.* О цитатах из Герцена в исследовании М.М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255.
7. *Калашиников В. А.* Кирпотин // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 3: Иаков – Лакснесс. 1966. Стб. 541–542.
8. *Кирпотин В.Я.* Избранные работы: В 3 т. Т. 2: Достоевский. М.: Худож. лит., 1978. 485 с.
9. *Кирпотин В.Я.* Достоевский в шестидесятые годы М.: Худож. лит., 1966. 560 с.
10. *Кирпотин В.Я.* Достоевский – художник: Этюды и исследования. М.: Сов. писатель, 1972. 319 с.

11. Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский. Творческий путь. (1821–1859). М.: Гослитиздат, 1960. 607 с.
12. Кирпотин Валерий Яковлевич. Ровесник железного века: мемуар. кн. / сост. Э. Пашнев, Н. Кирпотина. М.: Захаров, 2006. 842 с.
13. Ключева И.В., Лисунова Л.М. М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск: [Б.и.], 2010. 468 с.
14. Конкин С.С. Ученый с мировой известностью // Штрихи к портретам: Деятели культуры Мордовии в воспоминаниях современников. Саранск, 1990. С. 65–85.
15. Конкин С.С., Конкина Л.С. М.М. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 400 с.
16. Кормилов С.И. Металингвистическая классификация типов прозаического слова М. Бахтина и состав литературно-художественного произведения // Бахтинология: исследования, переводы, публикации. СПб., 1995. С. 189–205.
17. Махлин В.Л. Большое время: Подступы к мышлению М.М. Бахтина. Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. 174 с.
18. Махлин В.Л. Наследие и рецепция, или Р. Якобсон о М. Бахтине // Вопросы литературы. 2016. № 6. С. 94–108.
19. Михаил Михайлович Бахтин: личность и наследие: монография / О.Е. Осовский, В.П. Киржаева, С.А. Дубровская [и др.]; отв. ред. С.А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 232 с. (Бахтинская энциклопедия: материалы. Вып. 2).
20. Осовский О.Е. В зеркале «другого»: рецепция научного наследия М.М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960-х – середины 1990-х годов. Саранск, 2003. 147 с.
21. Осовский О.Е. Филолог или философ? Интеллектуальное «странничество» М.М. Бахтина: взгляд из 1990-х // Русская литература. 2018. № 1. С. 250–251.
22. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 227–265.
23. Осовский О.Е. Бахтин, метапроза, советская литература // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 194–197.
24. Паньков Н.А. Беседа с В.Я. Кирпотиным // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 112–114.
25. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: МГУ, 2009. 720 с.
26. Перлина Н. Диалог о диалоге: Бахтин – Виноградов (1924–1965) // Бахтинология: исследования, переводы, публикации. СПб., 1995. С. 155–170.
27. Попова И.Л. Книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.
28. Проблемы поэтики и истории литературы: сборник статей к 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности Михаила Михайловича Бахтина / отв. ред. С.С. Конкин. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 1973. 270 с.
29. Emerson C. The first hundred years of Mikhail Bakhtin. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 2000. XVI, 293 с.

Bakhtin and Kirpotin: on a page from the Russian history of the reception of M.M. Bakhtin's personality and ideas

© 2023 S.A. Dubrovskaya*, A.V. Strukova**

*Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chair of Russian as
a Foreign Language, Deputy Director of the M.M. Bakhtin Center
in N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

*Alexandra V. Strukova, MA in Philology, Lecturer at the Department of Foreign Literature,
Kazan (Volga Region) Federal University*

*N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Russia

**Kazan (Volga Region) Federal University. Kazan, Russia

The study was prepared with financial support from the Russian Science Foundation: project No 23-28-00175 "A Thinker in His Homeland: the History of Russian Reception of M.M. Bakhtin's Ideas against the World Challenges".

Annotation. The reconstruction of the domestic reception of M.M. Bakhtin's personality and ideas is an important part of modern Bakhtin Studies. One of its components is the construction of individual trajectories of Bakhtinian reception. The purpose of this article is to investigate the perception of M.M. Bakhtin's personality and ideas by the famous Soviet literary scholar V.Ya. Kirpotin. Using material from the scholar's archive, his memoirs and epistolary, and his works of the 1960s and 1970s, the authors identify the specifics of Kirpotin's views on the polyphonic novel, reproduce his private statements, and recall the role of the literary scholar in the Bakhtin defense.

The correspondence between Kirpotin and Kozhinov reconstructs an episode related to the publication of M.M. Bakhtin's biography essay in the collection "Problems of Poetics and History of Literature" (Saransk, 1973).

Keywords: M.M. Bakhtin, V.Y. Kirpotin, V.V. Kozhinov, Reception of Ideas, Personal Archives, Polyphonic Novel, *Problems of Dostoevsky's Poetics*.

1. *Bahtin M.M.* Sobranie sochinenij [v 6 (7) t.]. T. 4(1): «Fransua Rable v istorii realizma» (1940 g.). Materialy k knige o Rable (1930—1950-e gg.). Kommentarii i prilozhenija. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. 1120 s.
2. *Bahtin M.M.* Sobranie sochinenij [v 6 (7) t.]. T. 6: Problemy pojetiki Dostoevskogo, 1963. Raboty 1960–1970-h gg. M.: Russkie slovari; Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 800 s.
3. *Vasil'ev N.L.* Mihail Mihajlovich Bahtin i fenomen «Krug Bahtina»: V poiskah utrachennogo vremeni. Rekonstrukcii i dekonstrukcii. Kvadratura kruga. M.: LIBROKOM, 2013. 408 s.
4. *Gerasimova S.V.* Kirpotin Valerij Jakovlevich // Russkie literaturovedy XX veka: Biobibliograficheskij slovar'. T.1: A-L /sost. A.A. Holikov; pod obshej redakciej O.A. Klinga i A.A. Holikova. M.; SPb.: Nestor-Istorija, 2017. S. 383–384.
5. *Dubrovskaja S.A.* «Protiv burzhuaznogo liberalizma v literaturovedenii (Po povodu diskussii ob A. Veselovskom)»/ Materialy dlja «Bahtinskoj jenciklopedii» // Bahtinskij vestnik. 2020. № 1(3). [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49721943>
6. *Dubrovskaja S.A., Osovskij O.E.* O citatah iz Gercena v issledovanii M.M. Bahtina o Rable // Russkaja literatura. 2020. № 3. S. 252–255.
7. *Kalashnikov V.A.* Kirpotin // Kratkaja literaturnaja jenciklopedija / gl. red. A.A. Surkov. M.: Sov. jencikl., 1962–1978. T. 3: Iakov – Laksness. 1966. Stb. 541–542.
8. *Kirpotin V.Ja.* Izbrannye raboty: V 3 t. T. 2: Dostoevskij. M.: Hudozh. lit., 1978. 485 s.
9. *Kirpotin V.Ja.* Dostoevskij v shestidesjatyje gody M.: Hudozh. lit., 1966. 560 s.
10. *Kirpotin V.Ja.* Dostoevskij - hudozhnik: Jetjudy i issledovanija. M.: Sov. pisatel', 1972. 319 s.
11. *Kirpotin V.Ja.* F.M. Dostoevskij. Tvorcheskij put' (1821–1859). M.: Goslitizdat, 1960. 607 s.
12. *Kirpotin Valerij Jakovlevich.* Rovesnik zheleznogo veka: memuar. kn. / sost. Je. Pashnev, N. Kirpotina. M.: Zaharov, 2006. 842 s.
13. *Klyueva I.V., Lisunova L.M.* M.M. Bahtin – myslitel', pedagog, chelovek. Saransk: [B.i.], 2010. 468 s.
14. *Konkin S.S.* Uchenyj s mirovoj izvestnost'ju// Shtrihi k portretam: Dejateli kul'tury Mordovii v vospominanijah sovremennikov Saransk, 1990. S. 65–85.
15. *Konkin S.S., Konkina L.S.* M.M. Mihail Bahtin: Stranicy zhizni i tvorchestva. Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1993. 400 s.

16. *Kormilov S.I.* Metalingvističeskaja klassifikacija tipov prozaičeskogo slova M. Bahtina i sostav literaturno-hudožestvennogo proizvedenija // *Bahtinologija: issledovanija, perevody, publikacii*. SPb., 1995. S. 189–205.
17. *Mahlin V.L.* Bol'shoe vremja: Podstupy k myshleniju M.M. Bahtina. Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. 174 s.
18. *Mahlin V.L.* Nasledie i recepcija, ili R. Jakobson o M. Bahtine // *Voprosy literatury*. 2016 № 6. C. 94–108.
19. Mihail Mihajlovich Bahtin: lichnost' i nasledie: monografija / O.E. Osovskij, V.P. Kirzhaeva, S.A. Dubrovskaja [i dr.]; otv. red. S.A. Dubrovskaja. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. 232 s. (Bahtinskaja jenciklopedija: materialy. Vypusk 2).
20. *Osovskij O.E.* V zerkale "drugogo": recepcija nauchnogo nasledija M.M. Bahtina v anglo-amerikanskom literaturovedenii 1960-h – serediny 1990-h godov. Saransk: 2003. 147 s.
21. *Osovskij O.E.* Filolog ili filosof? Intellektual'noe «stranničestvo» M.M. Bahtina: vzgljad iz 1990-h // *Russkaja literatura*. 2018. № 1. S. 250–251.
22. *Osovskij O.E., Dubrovskaja S.A.* Bahtin, Rossija i mir: recepcija idej i trudov učenogo v issledovanijah 1996–2020 godov // *Nauchnyj dialog*. 2021. № 7. S. 227–265.
23. *Osovskij O.E.* Bahtin, metaproza, sovetskaja literatura // *Dialog. Karnaval. Hronotop*. 1993. № 2–3. C. 194–197.
24. *Pan'kov N.A.* Beseda s V.Ja. Kirptinym // *Dialog. Karnaval. Hronotop*. 1993. № 2–3. S. 112–114.
25. *Pan'kov N.A.* Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bahtina. M.: MGU, 2009. 720 s.
26. *Perlina N.* Dialog o dialoge: Bahtin – Vinogradov (1924–1965) // *Bahtinologija: issledovanija, perevody, publikacii*. SPb., 1995. S. 155–170.
27. *Popova I.L.* Kniga M.M. Bahtina o Fransua Rable i ee znachenie dlja teorii literatury. M.: IMLI RAN, 2009. 464 s.
28. Problemy pojetiki i istorii literatury: sbornik statej k 75-letiju so dnja rozhdenija i 50-letiju nauchno-pedagogičeskoj dejatel'nosti Mihaila Mihajlovicha Bahtina / otv. red. S.S. Konkin. Saransk: Mordovskij gos. un-t im. N.P. Ogareva, 1973. 270 s.
29. *Emerson C.* The first hundred years of Mikhail Bakhtin. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 2000. XVI, 293 s.